

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ОДНОМ ТОМЕ**

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 882-1(02.021.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6
В93

Серия основана в 2007 году

Составитель и автор послесловия В. Карелов

Высоцкий В. С.

В93 Собрание сочинений в одном томе.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 813 с.: ил. — (Собрание сочинений в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0733-0

Настоящее собрание сочинений В. С. Высоцкого (1938 — 1980) является наиболее полным на сегодняшний день и представляет его литературное творчество во всех его проявлениях: в книгу вошли стихотворения, песни, прозаические произведения, киносценарии.

УДК 882-1(02.021.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9922-0733-0

© В. Высоцкий. Наследники, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание довольно полно представляет читателю разнообразное литературное наследие Владимира Семеновича Высоцкого. Песни поэта — самая известная и самая значимая часть этого наследия — составляют три первых раздела, сформированные по хронологическому принципу. Хронология в данном случае не является формальной: Высоцкий как художник с годами менялся, и если в первой половине 1960-х годов (первый раздел) его привлекала улично-уголовная тематика, то во второй половине десятилетия (второй раздел) он «движется вширь», осваивая все новые и новые темы. В 70-е же (третий раздел) его песенная лирика становится все более философичной и трагической. Четвертый раздел книги составляют стихотворения, оставшиеся в архиве поэта и не ставшие песнями. Далее следует раздел песен, созданных для фильмов и спектаклей; они слишком тесно связаны с сюжетом, которому были предназначены, поэтому отделены от собственно авторских песен барда, в которых он в первую очередь выражал себя (песни же, не писавшиеся специально для спектаклей или фильмов, но включенные в них — как, например, в фильмы «Я родом из детства» или «Вертикаль» — помещены, в соответствии с общей хронологией, в один из первых трех разделов; туда же вошли и некоторые песни, созданные для экрана, но имевшие для Высоцкого самостоятельное творческое значение; такковы, скажем, баллады для фильма «Стрелы Робин Гуда»). Особые разделы однотомника составляют поэтические произведения для детей и проза (в том числе киносценарии).

Текст печатается по изданиям: В ы с о ц к и й В. Сочинения: В 2-х т. / Составление, подгот. текста и коммент. А.Е. Крылова. Екатеринбург: У-Фактория, 1999; В ы с о ц к и й В. [Проза поэта]. М.: Вагриус, 2000. Текст песен «Зарыты в нашу память на века...» и «Через десять лет»

печатается по изданию: В ы с о ц к и й В. Добро остается добром / Составление и текстологич. подготовка А.Е. Крылова. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 179—180, 379—381. Текст стихотворений «*Мы иска-ли дорогу по Веге...*» и «*Почти не стало усов и бак...*» печатается по публикации: В ы с о ц к и й В. Из черновиков / Текстологич. подготовка и публикация А.Е. Крылова // Общая газета. 1994. № 3. 21—27 янв. С. 16; текст стихотворения «*Мне не надо посл, обещаний не надо...*» — по публикации: В л а д и м и р В ы с о ц к и й: из черновиков / Подготовил А. К[рылов]. // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. [Вып. I.] М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. С. 54.

Даты создания произведений Высоцкого приводятся по упомянутым выше публикациям. В тех случаях, когда дата определяется приблизительно, она заключена в угловые скобки. Уточненная датировка стихотворения «*Слева бесы, справа бесы...*» дается по изд.: В. В ы с о ц к и й. Добро остается добром. С. 337 (см. выше).

ПЕСНИ

ПЕСНИ 1960—1966 ГОДОВ

СОРОК ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых — Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решенье —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов,
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук.
Спокойный, но слабый Федотов
Глодал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг.
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский —
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! — еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу — чего там! —
А вспомним про наш взвод солдат...»
«Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
А что у нас в части едят?»

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу прикикли,
А с судна летел вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, — что, взял океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан!

1960

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале;
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леши
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней, твоя — татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

1961

КРАСНОЕ, ЗЕЛЕНОЕ

Красное, зеленое, желтое, лиловое,
Самое красивое — на твои бока!
А если что дешевое — то новое, фартовое, —
А ты мне — только водку, ну и реже — коньяка.

Бабу ненасытную, стерву неприкрытую,
Сколько раз я спрашивал: «Хватит ли, мой свет?»
А ты — всегда испитая, здоровая, небитая —
Давала мне водку и кричала: «Еще нет!»

На тебя, отраву, деньги словно с неба сыпались —
Крупными купюрами, «займом золотым», —
Но однажды — высыпались, и сколько мы ни рыпались —
Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым.

Бог с тобой, с проклятою, с твоею верной клятвою
О том, что будешь ждать меня ты долгие года, —
А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою!
Живи себе как хочешь — я уехал навсегда!

<1961>

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у *ско́карей*,
Свой человек — у *щипачей*, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, *ссучился* —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напололам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь дó фига
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

1961

БОДАЙБО

Ты уехала на короткий срок,
Снова свидеться нам — не дай бог, —
А меня в товарный — и на восток,
И на прииски в Бодайбо.

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
Навещать не станешь родных, —
Ну а мне плевать — я здесь добывать
Буду золото для страны.

Все закончилось: смолкнул стук колес,
Шпалы кончились, рельсов нет...
Эх бы взвыть сейчас! — жалко нету слез —
Слезы кончились на семь лет.

Ты не жди меня — ладно, бог с тобой, —
 А что туго мне — ты не грусти.
 Только помни — не дай бог тебе со мной
 Снова встретиться на пути!

Срок закончится — я уж вытерплю,
 И на волю выйду как пить, —
 Но пока я в зоне на нарах сплю,
 Я постараюсь всё позабыть.

Здесь леса кругом гнутся по ветру,
 Синева кругом — как не выть!
 Позади — семь тысяч километров,
 Впереди — семь лет синевы...

1961

ГОРОД УШИ ЗАТКНУЛ

Город уши заткнул и уснуть захотел,
 И все граждане спрятались в норы.
 А у меня в этот час еще тысячи дел, —
 Задерни шторы
 и проверь запоры!

Только зря: не спасет тебя крепкий замок,
 Ты не уснешь спокойно в своем доме, —
 Потому что я вышел сегодня на *скок*,
 А Колька Дёмин —
 на углу на *стрёме*.

И пускай сторожит тебя ночью лифтер
 И ты свет не гасил по привычке —
 Я давно уже гвоздик к замочку притер,
 Попил водички
 и забрал вещички.

Ты увидел, услышал — как листья дрожат
 Твои тощие, хилые мощи, —
 Дело сделал свое я — и тут же назад,
 А вещи — теще
 в Марьиной Роше.

А потом — до утра можно пить и гулять,
 Чтоб звенели и пели гитары,
 И спокойно уснуть, чтобы не увидеть
 Во сне кошмары,
мусорёв и нары.

Когда город уснул, когда город затих —
Для меня лишь начало работы...
Спите, граждане, в теплых квартирках своих —
Спокойной ночи,
до будущей субботы!

1961

* * *

Что же ты, зараза, бровь себе подбрила,
Для чего надела, падла, синий свой берет!
И куда ты, стерва, лыжи наострила —
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет!

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать, —
Но в последнее время чтой-то замечаю,
Что ты стала мне слишком часто изменять.

Если это Колька или даже Славка —
Супротив товарищев не стану возражать,
Но если это Витька с Первой Перьяславки —
Я ж те ноги обломаю, в бога душу мать!

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить —
Я тебя не трону, а в душе зарюю
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть.

А настанет лето — ты еще вернешься,
Ну а я себе такую бабу отхвачу,
Что тогда ты, стервь, от зависти загнешься,
Скажешь мне: «Прости!» — а я плевать не захочу!

1961

* * *

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папироску!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу
Отбираю у дяди *бока*.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом — и будет таков.

Если ж женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так замечаю,
Что ей некуда больше спешить...

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги!..
Только лучше б мне баб не встречать!

<1961 или 1962>

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ТОТ, КТО РАНЬШЕ С НЕЮ БЫЛ

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.

Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу — стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.

Ее, как водится, простил,
 Того ж, кто раньше с нею был,
 Того, кто раньше с нею был, —
 Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
 Того ж, кто раньше с нею был,
 Того, кто раньше с нею был, —
 Я повстречаю!

1962

У ТЕБЯ ГЛАЗА — КАК НОЖ

У тебя глаза — как нож:
 Если прямо ты взглянёшь —
 Я забываю, кто я есть и где мой дом;
 А если косо ты взглянёшь —
 Как по сердцу полоснешь
 Ты холодным, острым серым тесаком.

Я здоров — к чему скрывать, —
 Я пятаки могу ломать,
 Я недавно головой быка убил, —
 Но с тобой жизнь коротать —
 Не подковы разгибать,
 А прибить тебя — морально нету сил.

Вспомни, было ль хоть разок,
 Чтоб я из дому убег, —
 Ну когда же надоест тебе гулять!
 С грабежу я прихожу —
 Язык за спину заложу
 И бежу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил —
 Велосипед себе купил,
 Чтоб в страданиях облегчения была, —
 Но налетел на самосвал —
 К Склифосовскому попал, —
 Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург — седой старик —
 Он весь обмяк и как-то сник:
 Он шесть суток мою рану зашивал!
 А когда кончился наркоз,
 Стало больно мне до слез:
 Для кого ж я своей жистью рисковал!

Ты не радуйся, змея, —
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем:
Я тебе точно говорю,
Востру бритву наострю —
И обрею тебя наголо совсем!

1962

Я В ДЕЛЕ

Я в деле, и со мною нож —
И в этот миг меня не трожь,
А после — я всегда иду в кабак, —
И кто бы что ни говорил,
Я сам добыл — и сам пропил, —
И дальше буду делать точно так.

Ко мне подходит человек
И говорит: «В наш трудный век
Таких, как ты, хочу уничтожить!»
А я парнишку наколол —
Не толковал, а запорол, —
И дальше буду так же поступать.

А хочешь просто говорить —
Садись со мной и будем пить, —
Мы все с тобой обсудим и решим.
Но если хочешь так, как он, —
У нас для всех один закон,
И дальше он останется таким.

<1962>

ВЕСНА ЕЩЕ В НАЧАЛЕ

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди, —
И вдруг приходят двое
С конвоем, с конвоем:
«Оденься, — говорят, — и выходи!»

Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

До мая пропотели —
Всё расколоть хотели, —
Но — нате вам — темню я сорок дней.
И вдруг — как нож мне в спину —
Забрали Катерину, —
И следователь стал меня главней.

Я понял, я понял, что тону, —
Покажите мне хоть в форточку Весну!

И вот опять — вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стыки рельс отсчитывают путь, —
А за окном — в зеленом
Березки и клены, —
Как будто говорят: «Не позабудь!»

А с насыпи мне машут пацаны, —
Зачем меня увозят из Весны!..

Спросил я Катю взглядом:
«Уходим?» — «Не надо!»
«Нет, хватит, — без Весны я не могу!»
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит». —
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.

Как ласково нас встретила она!
Так вот, так вот какая ты, Весна!

А на вторые сутки
На след напали суки —
Как псы на след напали и нашли, —
И завязали суки
И ноги и руки —
Как падаль по грязи поволокли.

Я понял: мне не видеть больше сны —
Совсем меня убрали из Весны...

1962

* * *

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно, чтоб подраться,
Кто-нибудь находился.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу —
Обо мне не напишут некрблог
На последней странице в углу.
Но я не жалею!

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался, —
Кто-нибудь находился —
И я с ним напивался.

И хотя во все светлое верил —
Например, в наш советский народ, —
Не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров, —
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.
Но я не жалею!

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился, —
Я всегда попадался —
И все время садился.

Говорят, что на место все встанет.
Бросить пить?.. Видно, мне не судьба, —
Все равно меня не отчеканят
На монетах вместо герба.
Но я не жалею!

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться —
Нужно сильно напиться!

ЛЕЖИТ КАМЕНЬ В СТЕПИ

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:
 «Кто направо пойдет —
 Ничего не найдет,
 А кто прямо пойдет —
 Никуда не придет,
 Кто налево пойдет —
 Ничего не поймет
 И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти или не надо.
 Был один из них зол —
 Он направо пошел,
 В одиночку пошел, —
 Ничего не нашел —
 Ни деревни, ни сел, —
 И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья
 И, подобравши подол,
 Напрямую пошел, —
 Сколько он ни бродил —
 Никуда не добрел, —
 Он вернулся и пил,
 Он обратно пришел.

Ну а третий — был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.
 Долго ль, коротко ль шагал —
 И совсем не страдал,
 Пил, гулял и отдыхал,
 Ничего не понимал, —
 Ничего не понимал,
 Так всю жизнь и прошагал —
 И не сгинул, и не пропал.

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

ПЕСНИ 1967—1970 ГОДОВ

* * *

Корабли постоят — и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все — кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все — кроме тех, кто нужней, —
Я не верю судьбе, а себе — еще меньше.

Но мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в делах —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь — весь в друзьях и в мечтах, —
Я, конечно, спою — не пройдет и полгода.

<1967>

СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

В ресторане по стенкам висят тут и там —
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» — спросил я. «Садитесь!

...Закури!» — «Извините, «Казбек» не курю...»
«Ладно, выпей, — давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» — «Обязательно буду!»

«Ну так что же, — сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?»

В сорок третьем под Курском я был старшиной, —
За мою спиной — такое...

Много всякого, брат, за мою спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:

«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигашь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!

А ты водку тут хлещешь со мною!..»

Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я — за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора

Я обидел его — я сказал: «Капитан,

Никогда ты не будешь майором!..»

1967

ПАРУС

Песня беспокойства

А у дельфина
Врезано брюхо винтом!
Выстрела в спину
Не ожидает никто.
На батарее
Нету снарядов уже.
Надо быстрее
На вираже!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Даже в дозоре
Можешь не встретить врага.
Это не горе —
Если болит нога.
Петли дверные
Многим скрипят, многим поют:
Кто вы такие?
Вас здесь не ждут!

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

«Так что хитрость, — говорю, — брось свою иудину —
Прямо, значит, отвечай: кто тебя послал,
Кто загнал тебя сюда, в винную посудину,
От кого скрывался ты и чего скрывал?»

Тут мужик поклоны бьет, отвечает вежливо:
«Я не вор, я не шпион, я вообще-то — дух, —
За свободу за мою — захотите ежли вы —
Изобью для вас любого, можно даже двух!»

Тут я понял: это — джинн, — он ведь может многое —
Он же может мне сказать «Враз озолочу!»...
«Ваше предложение, — говорю, — убогое.
Морды будем после бить — я вина хочу!

Ну а после — чудеса по такому случаю:
До небес дворец хочу — ты на то и бес!..»
А он мне: «Мы таким делам вовсе не обучены, —
Кроме мордобитиев — никаких чудес!»

«Врешь!» — кричу. «Шалишь!» — кричу. Но и дух —
в амбицию, —
Стукнул раз — специалист! — видно по нему.
Я, конечно, побежал — позвонил в милицию.
«Убивают, — говорю, — прямо на дому!»

Вот они подъехали — показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог:
Вывели болезного, руки ему — за спину
И с размаху кинули в черный воронок.

...Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается, —
Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть!
Ну а может, он теперь боксом занимается, —
Если будет выступать — я пойду посмотреть!

1967

ПЕСНЯ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибавать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.

«Эх, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки. —
Напился, старик, — так пойди похмелись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:
Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещей Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспомянул,
И то — саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

«А вот он, мой конь — на века опочил, —
Один только череп остался!..» —
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы — послушаться, правда?
Олег бы послушал — еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

ЗАРИСОВКА О ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде-городе
у Пяти Углов
Получил по морде
Саня Соколов:
Пел немзыкально,
скандалил, —
Ну и, значит, правильно,
что дали.

В Ленинграде-городе —
тишь да благодать!
Где шпана и воры где?
Просто не видать!
Не сравнить с Афинами —
прохладно,
Правда — шведы с финнами, —
ну ладно!

В Ленинграде-городе —
как везде, такси, —
Но не останóвите —
даже не проси!
Если сильно водку пьешь
по пьянке —
Не захочешь, а дойдешь
к стоянке!

1967

ДВА ПИСЬМА

I

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой, — сразу в сельсовет.

Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали:
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причина не скучать очень даже есть.

Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже шас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.

Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.

Ты приснился мне во сне — пьяный, злой, угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошла, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.

Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —
Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Ты уж, Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можешь хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
Без тебя невоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

II

Не пиши мне про любовь — не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут — с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю — вещь хорошая.

Водки я пока не пил — ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.

Был в балете, — мужики девок лапают.
Девки — все как на подбор — в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!

Наш бугай — один из первых на выставке.
А сперва кричали — будто бракованный, —
Но очухались — и вот дали приз таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.

Председателю скажи, пусть избу мою
Кроют нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я тёлочку крыть — не подумаю:
Рекордсмена портить мне — на-кось, выкуси!

Пусть починют наш амбар — ведь не гнить зерну!
Будет Пашка приставать — с им как с предателем!
С агрономом не гуляй, — ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем!

До свидания, я — в ГУМ, за покупками:
Это — вроде наш лабаз, но — со стеклами...
Ты мне можешь надоест с полушубками,
В сером платьице с узорами блеклыми.

...Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ём гуляю — и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь — там, за печкою, —
Потому — ты темнота некультурная.

1966

ПЕСНЯ О ВЕЩЕЙ КАССАНДРЕ

Долго Троя в положении осадном
Оставалась неприступною твердыней,
Но троянцы не поверили Кассандре, —
Троя, может быть, стояла б и поныне.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту,
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Без устали безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

Конец простой — хоть не обычный, но досадный:
Какой-то грек нашел Кассандрину обитель, —
И начал пользоваться ей не как Кассандрой,
А как простой и ненасытный победитель.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев —
Во все века сжигали люди на кострах.

1967

СЛУЧАЙ НА ШАХТЕ

Сидели пили вразнобой
«Мадеру», «старку», «зверобой» —
И вдруг нас всех зовут в забой, до одного:
У нас — стахановец, гагановец,
Загладонец, — и надо ведь,
Чтоб завалило именно его.

Он — в прошлом младший офицер,
Его нам ставили в пример,
Он был как юный пионер — всегда готов, —
И вот он прямо с корабля
Пришел стране давать угля, —
А вот сегодня — наломал, как видно, дров.

Спустились в штрек, и бывший зэк —
Большого риска человек —
Сказал: «Беда для нас для всех, для всех одна:
Вот раскопаем — он опять
Начнет три нормы выполнять,
Начнет стране угля давать — и нам хана.

Так что, вы, братцы, — не стараться,
А поработаем с прохладцей —
Один за всех и все за одного».
...Служил он в Таллине при Сталине —
Теперь лежит заваленный, —
Нам жаль по-человечески его...

1967

ПЕСНИ 1971—1980 ГОДОВ

* * *

Я теперь в дураках — не уйти мне с земли —
Мне расставила суша капканы:
Не заметивши сходней, на берег сошли —
И навечно — мои капитаны.

И теперь в моих песнях сплошные нули,
В них всё больше прорехи и раны:
Из своих кителей капитанских ушли,
Как из кожи, мои капитаны.

Мне теперь не выйти в море
И не встретить их в порту.
Ах, мой вечный санаторий —
Как оскомина во рту!

Капитаны мне скажут: «Давай не скули!»
Ну а я не скулю — волком вою:
Вы ж не просто с собой мои песни везли —
Вы везли мою душу с собою.

Вас встречали в порту толпы верных друзей,
И я с вами делил ваши лавры, —
Мне казалось, я тоже сходил с кораблей
В эти Токио, Гамбурги, Гавры...

Вам теперь не выйти в море,
Мне не встретить вас в порту.
Ах, мой вечный санаторий —
Как оскомина во рту!

Я надеюсь, что море сильней площадей
И прочнее домов из бетона,
Море лучший колдун, чем земной чародей, —
И я встречу вас из Лиссабона.

Я механиков вижу во сне, шкиперов —
Вижу я, что не бесятся с жира, —
Капитаны по сходням идут с танкеров,
С сухогрузов, да и с «пассажиров»...

Нет, я снова выйду в море
Или встречу их в порту, —
К черту вечный санаторий
И оскомину во рту!

1971

БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ

Капитана в тот день называли на ты,
Шкипер с юнгой сравнялись в талантах;
Распрямя хребты и срывая бинты,
Бесновались матросы на вантах.

Двери наших мозгов
Посрывало с петель
В миражи берегов,
В покрывала земель,

Этих обетованных, желанных —
И колумбовых, и магелланских.

Только мне берегов
Не видать и земель —
С хода в девять узлов
Сел по горло на мель!
А у всех молодцов —
Благородная цель...
И в конце-то концов —
Я ведь сам сел на мель.

И ушли корабли — мои братья, мой флот, —
Кто чувствительней — брызги сглотнули.
Без меня продолжался великий поход,
На меня ж парусами махнули.

И погоду и случай
Безбожно кляня,
Мои пасынки кучей
Бросали меня.

Вот со шлюпок два залпа — и ладно! —
От Колумба и от Магеллана.

Я пью пену — волна
Не доходит до рта,
И от палуб до дна
Обнажились борта,
А бока мои грязны —
Таи не таи, —
Так любуйтесь на язвы
И раны мои!

Вот дыра у ребра — это след от ядра,
Вот рубцы от тарана, и даже
Видно шрамы от крючьев — какой-то пират
Мне хребет перебил в абордаже.

Киль — как старый неровный
Гитаровый гриф:
Это брюхо вспорол мне
Коралловый риф.

Задыхаюсь, гнию — так бывает:
И просоленное загнивает.

Ветры кровь мою пьют
И сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, —
Меня ветры добьют:
Я под ними стою
От утра до утра, —
Гвозди в душу мою
Забивают ветра.

И гулякой шальным всё швыряют вверх дном
Эти ветры — незваные гости, —
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или — с мели сорвать меня в злости!

Я уверовал в это,
Как загнанный зверь,
Но не злобные ветры
Нужны мне теперь.

Мои мачты — как дряблые руки,
Паруса — словно груди старухи.

Будет чудо восьмое —
И добрый прибой
Мое тело омоет
Живою водой,

Моря Божья роса
С меня снимет табу —
Вздует мне паруса,
Будто жилы на лбу.

Догоню я своих, догоню и прошу
Позабывшую помнить армаду.
И команду свою я обратно пушу:
Я ведь зла не держу на команду.

Только, кажется, нет
Больше места в строю.
Плохо шутишь, корвет,
Потеснись, — раскрою!

Как же так — я ваш брат,
Я ушел от беды...
Полевее, фрегат, —
Всем нам хватит воды!

До чего ж вы дошли:
Значит, что — мне уйти?!
Если был на мели —
Дальше нету пути?!
Разомкните ряды,
Всё же мы — корабли, —
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли,

Этой обетованной, желанной —
И колумбовой, и магелланной!

1971

ПЕСЕНКА ПРО ПРЫГУНА В ДЛИНУ

Что случилось, почему кричат?
Почему мой тренер завопил?
Просто — восемь сорок результат, —
Правда, за черту переступил.

Ой, приходится до дна ее испить —
Чашу с ядом вместо кубка я беру, —
Стоит только за черту переступить —
Превращаюсь в человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
 Почему соперник завопил?
 Просто — ровно восемь шестьдесят, —
 Правда, за черту переступил.

Что же делать мне, как быть, кого винить —
 Если мне черта совсем не по нутру?
 Видно, негру мне придется уступить
 Этот титул человека-кенгуру.

Что случилось, почему кричат?
 Стадион в единстве завопил...
 Восемь девяносто, говорят, —
 Правда, за черту переступил.

Посоветуйте, вы все, ну как мне быть?
 Так и есть, что негр титул мой забрал.
 Если б ту черту да к черту отменить —
 Я б Америку догнал и перегнал!

Что случилось, почему молчат?
 Комментатор даже приуныл.
 Восемь пять — который раз подряд, —
 Значит — за черту не заступил.

1971

МАРАФОН

Я бегу, топчу, скользя
 По гаревой дорожке, —
 Мне есть нельзя, мне пить нельзя,
 Мне спать нельзя — ни крошки.

А может, я гулять хочу
 У Гурьева Тимошки, —
 Так нет: бегу, бегу, топчу
 По гаревой дорожке.

А гвинеец Сэм Брук
 Обошел меня на круг, —
 А вчера все вокруг
 Говорили: «Сэм — друг!
 Сэм — наш гвинейский друг!»

Друг гвинеец так и прет —
 Все больше отставанье, —
 Ну, я надеюсь, что придет
 Второе мне дыханье.

Третье за ним ищу,
 Четвертое дыханье, —
 Ну, я на пятом сокращу
 С гвинейцем расстоянье!

Тоже мне — хорош друг, —
 Обошел меня на круг!
 А вчера все вокруг
 Говорили: «Сэм — друг!
 Сэм — наш гвинейский друг!»

Гвоздь программы — марафон,
 А градусов — все тридцать, —
 Но к жару привыкший он —
 Вот он и мастерится.

Я поглядел бы на него,
 Когда бы — минус тридцать!
 Ну а теперь — достань его, —
 Осталось — материться!

Тоже мне — хорош друг, —
 Обошел на третий круг!
 Нужен мне такой друг, —
 Как его — забыл... Сэм Брук!
 Сэм — наш гвинейский Брук!

1971

ВРАТАРЬ

Льву Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе —
 Надрываются в восторге москвичи, —
 Я спокойно прерываю передачи
 И вытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает —
 Репортеры тучею кишат у тех ворот.
 Лишь один упрямо за моей спиной скучает —
 Он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
 вот мне бьют головой...
 Я касаюсь —
 подают угловой.
 Бьет десятый — дело в том,
 Что своим «сухим листом»
 Размочить он может счет нулевой.

В правый угол мяч, звеня, —
 Значит, в левый от меня, —
 Залетает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра,
 Так что я не мог поделаться ничего...
 Снимок дома у меня — два на три метра —
 Как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,
 Ведь теперь я думаю, когда беру мячи:
 Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий! —
 Стыд меня терзает, хоть кричи.

Искуситель-змея, палач!
 Как мне жить?!

Так и тянет каждый мяч
 пропустить.
 Я весь матч борюсь с собой —
 Видно, жребий мой такой...
 Так, спокойно — подают угловой...

1971

* * *

Не покупают никакой еды —
 Все экономят вынужденно деньги:
 Холера косит стройные ряды, —
 Но люди вновь смыкаются в шеренги.

Закрыт Кавказ, горит «Аэрофлот»,
 И в Астрахани лихо жгут арбузы, —
 Но от станка рабочий не уйдет,
 И крепнут все равно здоровья узы.

Убытки терпит целая страна,
 Но вера есть, все зиждется на вере, —
 Объявлена смертельная война
 Одной несчастной, бедненькой холере.

На трудовую вахту встал народ
 Для битвы с новоявленной порчей, —
 Но пасаран, холера не пройдет,
 Холере — нет, и все, и бал окончен!

Я погадал вчера на даму треф,
 Назвав ее для юмора холерой, —
 И понял я: холера — это блеф,
 Она теперь мне кажется химерой.

Во мне теперь прибавилось ума,
Себя я ощущаю Гулливером,
И понял я: холера — не чума, —
У каждого всегда своя холера!

Уверен я: холере скоро тлеть.
А ну-ка — залп из тысячи орудий!
Вперед!.. Холерой могут заболеть
Холерики — несдержанные люди.

1971

МАСКИ

Смеюсь навзрыд — как у кривых зеркал, —
Меня, должно быть, ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале!

Вокруг меня смыкается кольцо —
Меня хватают, вовлекают в пляску, —
Так-так, мое нормальное лицо
Все, вероятно, приняли за маску.

Петарды, конфетти... Но всё не так, —
И маски на меня глядят с укором, —
Они кричат, что я опять — не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Что делать мне — бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?..
Надеюсь я — под масками зверей
Бывают человеческие лица.

Все в масках, в париках — все как один, —
Кто — сказочен, а кто — литературен...
Сосед мой слева — грустный арлекин,
Другой — палач, а каждый третий — дурень.

Один себя старался обелить,
Другой — лицо скрывает от огласки,
А кто — уже не в силах отличить
Свое лицо от непременной маски.

Я в хоровод вступаю, хохоча, —
И все-таки мне беспокойно с ними:
А вдруг кому-то маска палача
Понравится — и он ее не снимет?

Вдруг арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным;
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?!

Как доброго лица не прозевать,
Как честных отличить наверняка мне? —
Все научились маски надевать,
Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Я в тайну масок все-таки проник, —
Уверен я, что мой анализ точен:
Что маски равнодушья у иных —
Защита от плевков и от пощечин.

1971

ПЕСНЯ ПРО ПЕРВЫЕ РЯДЫ

Была пора — я рвался в первый ряд,
И это все от недопониманья, —
Но с некоторых пор сажусь назад:
Там, впереди, как в спину автомат —
Тяжелый взгляд, недоброе дыханье.

Может, сзади и не так красиво,
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

Стволы глазищ — числом до десяти —
Как дула на мишень, но на живую, —
Затылок мой от взглядов не спасти,
И сзади так удобно нанести
Обиду или рану ножевую.

Может, сзади и не так красиво.
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

Мне вреден первый ряд, и говорят —
От мыслей этих я в ненастье ною.
Уж лучше — где темней — в последний ряд:
Отсюда больше нет пути назад,
И за спиной стоит стена стеною.

Может, сзади и не так красиво,
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

И пусть хоть реки утекут воды,
Пусть будут в пух засалены перины, —
До лысин, до седин, до бороды
Не выходите в первые ряды
И не стремитесь в примы-балерины.

Может, сзади и не так красиво,
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

Надежно сзади, но бывают дни —
Я говорю себе, что выйду червой:
Не стоит вечно пребывать в тени —
С последним рядом долго не тяни,
А постепенно пробирайся в первый.

Может, сзади и не так красиво,
Но — намного шире кругозор,
Больше и разбег, и перспектива,
И еще — надежность и обзор.

1971

I. ПЕВЕЦ У МИКРОФОНА

Я весь в свету, доступен всем глазам, —
Я приступил к привычной процедуре:
Я к микрофону встал как к образам...
Нет-нет, сегодня точно — к амбразуре.

И микрофону я не по нутру —
Да, голос мой любому опостылит, —
Уверен, если где-то я совру —
Он ложь мою безжалостно усилит.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

Сегодня я особенно хриплю,
Но изменить тональность не рискую, —
Ведь если я душою покривлю —
Он ни за что не выпрямит кривую.

Он, бестия, потоньше остря —
Слух безотказен, слышит фальшь до йоты, —
Ему плевать, что не в ударе я, —
Но пусть я верно выпеваю ноты!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

На шее гибкой этот микрофон
Своей змеиной головою вертит:
Лишь только замолчу — ужалит он, —
Я должен петь — до одури, до смерти.

Не шевелись, не двигайся, не смей!
Я видел жало — ты змея, я знаю!
И я — как будто заклинатель змей:
Я не пою — я кобру заклинаю!

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!.. Жара!..

Прожорлив он, и с жадностью птенца
Он изо рта выхватывает звуки,
Он в лоб мне вlepит девять грамм свинца, —
Рук не поднять — гитара вяжет руки!

Опять не будет этому конца!
Что есть мой микрофон — кто мне ответит?
Теперь он — как лампада у лица,
Но я не свят, и микрофон не светит.

Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона —
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.

Бьют лучи от рампы мне под ребра,
Светят фонари в лицо недобро,
И слепят с боков прожектора,
И — жара!.. Жара!..

ПЕСНИ ДЛЯ ТЕАТРА И КИНО

«ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР»¹

* * *

В куски
Разлетелась корона,
Нет державы, нету трона, —
Жизнь, Россия и законы —
Всё к чертям!
И мы —
Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры, —
Только — кровь одна с позором
Пополам.

И нам
Ни черта не разобраться,
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься, —
Не понять!
Где дух? Где честь? Где стыд?!
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию
Нам плевать?!

Позор
Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомнение гложет —
Может он или не может
Убивать!
Сигнал! —

¹ Здесь и далее — название спектакля или кинофильма, для которого написан цикл песен.

И по-волчьи, и по-бычьи,
И — как коршун на добычу, —
Только воронов покличем
Пировать.

Эй, вы!
Где былая ваша твердость?
Где былая наша гордость?
Отдыхать сегодня — подлость!
Пистолет сжимает твердая рука.
Конец! Всему конец!
Все разбилось, поломалось, —
Нам осталась только малость —
Только выстрелить в висок иль во врага.

1965

* * *

Войны и голодухи натерпелися мы всласть,
Наслушались, наелись уверений, —
И шлепнули царя, а после — временную власть, —
Потому что кончилось их время.

А если кто-то где-нибудь надеется на что,
Так мы тому заметим между прочим:
Обратно ваше время не вернется ни за что —
Мы как-нибудь об этом похлопочем.

Навовсе не ко времени вся временная власть —
Отныне власть советская над всеми.
Которые тут временные, — слазь! А ну-ка слазь!
Кончилось ваше время!

1965

* * *

Всю Россию до границы
Царь наш кровью затопил,
А жену свою — царицу
Колька Гришке уступил.

За нескладуху-неладуху —
Сочинителю по уху!
Сочинитель — это я,
А часового бить нельзя!

1965

«ПАВШИЕ И ЖИВЫЕ»

СОЛДАТЫ ГРУППЫ «ЦЕНТР»

Солдат всегда здоров,
Солдат на все готов, —
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

И не остановиться,
И не сменить ноги, —
Сияют наши лица,
Сверкают сапоги!

По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!

Первый-второй...

Первый, шаг вперед! — и в рай.

Первый — второй...

А каждый второй — тоже герой, —

В рай попадет вслед за тобой.

Первый-второй,

Первый-второй,

Первый-второй...

А перед нами все цветет,
За нами все горит.
Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит.

Веселые — не хмурые —
Вернемся по домам, —
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

Всё впереди, а ныне —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!

Первый-второй...

Первый, шаг вперед! — и в рай.

Первый-второй...

А каждый второй — тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

1965

«ПОСЛЕДНИЙ ЖУЛИК»

* * *

Здравствуйте,
Наши добрые зрители,
Наши строгие критики!
Вы увидите фильм
Про последнего самого жулика.

Жулики —
Это люди нечестные, —
Они делают пакости,
И за это их держат в домах,
Называемых тюрьмами.

Тюрьмы —
Это крепкие здания,
Окна, двери — с решетками, —
На них лучше смотреть,
Лучше только смотреть на них.

Этот фильм —
Не напутствие юношам,
А тем более девушкам, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

Жулики
Иногда нам встречаются, —
Правда, реже значительно,
Реже, чем при царе
Или, скажем, в Америке.

Этот фильм
Не считайте решением:

Все в нем — шутка и вымысел, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

1966

* * *

Здесь сидел ты, Валет,
Тебе счастья нет,
Тебе карта всегда не в цвет.
Наши общие дни
Ты в душе сохрани
И за карты меня извини!

На воле теперь вы меня забываете,
Вы порасползлись все по семьям в дома, —
Мои товарищи, по старой памяти
Я с вами веду разговор по душам.

1966

О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений —
Я этот закон на себе испытал, —
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно все понимал.

Оделся по моде, как требует век, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
Все относительно, —
Все-все, все.

Набедренный пояс из шкуры пантеры, —
О да, неприлично, согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры — им было видней.

Оделся по моде как в каменный век —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я — тот же самый.

Вот уж действительно
 Все относительно, —
 Все-все, все.

Оденусь как рыцарь я после турнира —
 Знакомые вряд ли узнают меня, —
 И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
 «Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
 Ценитель упрямый:
 «Да это же просто другой человек!»
 А я — тот же самый.

Вот уж действительно
 Все относительно, —
 Все-все, все.

Вот трость, канотье — я из нэпа, — похоже?
 Не надо оваций — к чему лишний шум?
 Ах, в этом костюме узнали, — ну что же,
 Тогда я одену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки — стек, —
 И шепчутся дамы:
 «Да это же просто другой человек!»
 А я — тот же самый.

Будьте же бдительны:
 Все относительно, —
 Все-все, все!

1966

* * *

Вот что:
 Жизнь прекрасна, товарищи,
 И она удивительна,
 И она коротка,
 Это самое-самое главное.

Этого
 В фильме прямо не сказано, —
 Может, вы не заметили
 И решили, что не было
 Самого-самого главного?

Может быть,
В самом деле и не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

И вот что:
Человек человечеству —
Друг, товарищ и брат у нас,
Друг, товарищ и брат, —
Это самое-самое главное.

Труд нас
Должен облагораживать, —
Он из всех из нас делает
Настоящих людей, —
Это самое-самое главное.

Правда вот,
В фильме этого не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

Мир наш —
Колыбель человечества,
Но не век находиться нам
В колыбели своей, —
Циолковский сказал еще.

Скоро
Даже звезды далекие
Человечество сделает
Достоянием людей, —
Это самое-самое главное.

Этого
В фильме прямо не сказано —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

«САША-САШЕНЬКА»

ПЕСНЯ-СКАЗКА О СТАРОМ
ДОМЕ НА НОВОМ АРБАТЕ

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал, —
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял...

Холодно, холодно, холодно в доме.

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась, —
Но что-то в этом доме оставалось
На третьем этаже...

Ахало, охало, ухало в доме.

И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной, —
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники тихо.

Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая:
Вдруг там Наполеонов дух витает!
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?..

Боязно, боязно, боязно дворникам.

Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —
Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы услышал,
Как кто-то застонал

Жалобно, жалобно, жалобно в доме.

...От страха дети больше не трясутся:
Нет дома, что два века простоял,

И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл...

Весело, здорово, красочно будет...

1966

* * *

Дорога, дорога — счета нет шагам,
И не знаешь, где конец пути, —
По дороге мы идем по разным сторонам
И не можем ее перейти.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, — оштрафуют — не беда, —
Только ты подсажи мне — когда.

Улыбка, улыбка — для кого она?
Ведь как я ее никто не ждет.
Я замер и глаза закрыл, открыл — но ты одна,
А я опять прозевал переход.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, — оштрафуют — не беда, —
Только ты подсажи мне — когда.

Шагаю, шагаю — кто мне запретит!
И шаги отсчитывают путь.
За тобой готов до бесконечности идти —
Только ты не сверни куда-нибудь.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись — я напротив, я рядом.
Путь наш долог, но ведь он все же кончится, боюсь, —
Перейди, если я не решусь.

1963, ред. 1966

ПЕСНЯ ПАРНЯ У ОБЕЛИСКА КОСМОНАВТАМ

Вот ведь какая отменная
У обелиска служба, —
Знает, наверное,
Что кругом — весна откровенная.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты или близко, —
У него забота одна — быть заметным и правильно стоять.
Приходи поскорее на зависть обелиску,
И поторопись: можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

Гордая и неизменная
У обелиска поза, —
Жду с нетерпеньем я,
А над ним — покой и Вселенная.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты или близко, —
У него забота одна — быть заметным и весело сиять.
Если ты опоздаешь на радость обелиску —
Знай, что и ко мне можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

Если уйду, не дождусь — не злись:
Просто я не железный, —
Так что поторопись —
Я человек, а не обелиск.

Он ведь из металла — ему все равно, далеко ты или близко, —
У него забота одна — быть заметным и олицетворять.
Мне нужна ты сегодня, мне, а не обелиску, —
Так поторопись: можешь ты насовсем, насовсем опоздать.

1966

«ПУГАЧЕВ»

* * *

— Ну что, Кузьма?
— А что, Максим?
— Чего стоймя
Стоим глядим?
— Да вот глядим,
Чего орут, —
Понять хотим,
Про что поют.
Куда ни глянь —
Всё голытьба,
Куда ни плюнь —
Полна изба.
И полн кабак
Нетрезвыми —
Их как собак
Нерезаных.

Кто зол — молчит,
Кто добр — поет.
И слух идет,
Что жив царь Петр!

— Ох не сносить
Им всем голов!
Пойти спросить
Побольше штоф?!

.....

Кузьма! Андрей!
— Чего, Максим?
— Давай скорей
Сообразим!

И-и-их —
На троих!
— А ну их —
На троих!
— На троих
Так на троих!

.....

— Ну что, Кузьма?
— А что, Максим?
— Чего стоймя
Опять стоим?

— Теперь уж вовсе
Не понять:
И там висять —
И тут висять!

Им только б здесь
Повоевать!
И главный есть —
Емелькой звать!

— Так был же Петр!
— Тот был сперва.
— Нет, не пойдет
У нас стрезва!

— Кузьма!
— Готов!
— Неси-ка штоф!
— И-и-их —
На троих!..

— Подвох!
— Не пойдет!
На трех — не возьмет!
— Чего же ждем —
Давай вдвоем!

А ты, Кузьма,
Стрезва взглянешь —
И, может статься,
Сам возьмешь.

.....

— Кузьма, Кузьма!
Чего ты там?
Помрешь глядеть!
Ходи-ка к нам!

— Да что ж они —
Как мухи мрут,
Друг дружку бьют,
Калечут, жгут!

Не понять ничего!
Андрей, Максим!
На одного —
Сообразим!

Такой идет
Раздор у них,
Что не возьмет
И на двоих!

— Пугач! Живи!
Давай! Дави!
— А ну его! —
На одного!

.....

— Э-эй, Кузьма!
— Э-эй, Максим!
Эх-ма, эх-ма!
— Что так, Кузьма?

— Да всех их черт
Побрал бы, что ль!
Уж третий штоф —
И хоть бы что!

Пропился весь я
До конца —
А всё трезвее
Мертвеца!

Уже поник —
Такой нарез:
Взгляну на них —
И снова трезв!

— Мы тоже так —
Не плачь, Кузьма, —
Кругом — бардак
И кутерьма!

Ведь до петли
Дойдем мы так —
Уж всё снесли
Давно в кабак!

Но не забыться —
Вот беда!
И не напиться
Никогда!

И это — жисть,
Земной наш рай?!
Нет, хоть ложись
И помирай!

1967

«ИНТЕРВЕНЦИЯ»

ПЕСНЯ САНЬКИ

У моря, у порта
Живет одна девчонка, —
Там моряков до чёрта
Из дальних разных стран,
Загадочных стран.
И все они едва ли
Девчонку эту знали,
Одни не замечали:
Мол, не было печали, —

Ну а другим, кто пьян,
Скорее бы — стакан.

Подруга, блондинка,
Та, что живет у рынка:
Как день — так вечеринка, —
Веселье там и смех,
 Веселье и смех.

А тихая девчонка,
Хоть петь умела звонко,
К подруге не ходила —
Ей не до песен было, —
Веселье и успех
В почете не у всех.

Манеры, поклоны,
Мегеры и матроны,
Красавчики пижоны —
До них ей далеко,
 До них далеко.
Ей не до поцелуев —
Ведь надо бить буржуев!
И надо бить, заметьте,
На всем на белом свете —
И будет всем легко,
И будет всем легко!

1967

* * *

До нашей эры соблюдалось чувство меры,
Потом бандитов называли — «флибустьеры», —
Теперь название звучное «пират»
 Забыли, —
 Бить их
 И словом оскорбить их
 Всякий рад.

Бандит же ближних возлюбил — души не чает,
И если чтой-то им карман отягощает —
Он подойдет к им как интеллигент,
 Улыбку
 Выжмет —
 И облегчает ближних
 За момент.

А если ближние начнут сопротивляться,
Излишне нервничать и сильно волноваться, —
Тогда бандит поступит как бандит:

Он стрельнет
Трижды —
И вмиг приводит ближних
В трупный вид.

А им за это — ни чинов, ни послаблений, —
Доходит даже до взаимных оскорблений, —
Едва бандит выходит за порог,

Как сразу:
«Стойте!
Невинного не стройте!
Под замок!»

На теле общества есть много паразитов,
Но почему-то все стесняются бандитов, —
И с возмущеньем хочется сказать:

«Поверьте, —
Боже,
Бандитов надо тоже
Понимать!»

1967

ПЕСНЯ БРОДСКОГО

Как все, мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден —
Мы выбираем деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам будут долго предлагать не прогадать:
«Ах, — скажут, — что вы! Вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать!..» —
Ну а потом предложат: или — или.

Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи —
Или просто деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей, —
Но нам предложат деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам даже могут предложить и закурить:
«Ах, — вспомнят, — вы ведь долго не курили!
Да вы еще не начинали жить!..» —
Ну а потом предложат: или — или.

Дым папиросы навевает что-то, —
Одна затяжка — веселее думы.
Курить охота! Как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде, —
Но мы откажемся — и быют они жестоко, —
Люди! Люди! Люди!

1967

«ИВАН МАКАРОВИЧ»

ПИСЬМО

Полчаса до атаки,
Скоро снова — под танки,
Снова слушать разрывов концерт, —
А бойцу молодому
Передали из дому
Небольшой голубой треугольный конверт.

И как будто не здесь ты,
Если — почерк невесты
Или пишут отец твой и мать, —
Но случилось другое —
Видно, зря перед боем
Поспешили солдату письмо передать.

Там стояло сначала:
«Извини, что молчала,
Ждать не буду». — И все, весь листок.
Только снизу — приписка:
«Уезжаю неблизко, —
Ты ж спокойно воюй, и прости, если что».

Вместе с первым разрывом
Парень крикнул тоскливо:
«Почтальон, что ты мне притащил! —

За минуту до смерти
В треугольном конверте
Пулевое ранение я получил».

Он шагнул из траншеи
С автоматом на шее,
Он осколков беречься не стал, —
И в бою над Сурюю
Он обнялся с землею,
Только — ветер обрывки письма разметал.

1967

«ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД»

ПЕСНЯ ГЕРАЩЕНКО

Аппарат и наметанный глаз —
И работа идет эффективно, —
Только я — столько знаю про вас,
Что порой мне бывает противно.

Нат Пинкертон — вот с детства мой кумир,
Сравниться с ним теперь никто не может, —
Но он имел такой преступный мир,
Что плохо спится мне, и зависть гложет.

Не скрывать вам, ведь от меня секретов нет.
Мой метод прост: брать всех под подозренье.
Любой преступник оставляет след
И возвращается на место преступленья.

У детективов хмурый вид и мрачный нрав,
Характер наш достоин укоризны, —
Имеем дело с попираньем прав
И только с темной стороною нашей жизни.

Другие люди пьют всем горестям назло,
Гуляют всласть по Ноябрью и Маю, —
Я ж не сижу за праздничным столом —
Хожу кругом и в окна наблюдаю.

«Наш мир — театр» — так говорил Шекспир, —
Я вижу лишь характерные роли:
Тот — негодяй, тот — жулик, тот — вампир, —
И всё, — как Пушкин говорил: «чего же боле?»

Но имя есть — я повторяю как пароль, —
Не верь, что детективы нелюдимы:
Она играет голубую роль,
Мне голубая роль — необходима.

Аппарат и наметанный глаз —
И работа идет эффективно, —
Только я — столько знаю про вас
Что подчас мне бывает противно.

1968

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

Вдох глубокий, руки шире,
Не спешите — три-четыре! —
Бодрость духа, грация и пластика!
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая,
Если жив пока еще, —
гимнастика!

Если вы в своей квартире, —
Лягте на пол — три-четыре! —
Выполняйте правильно движения!
Прочь влияние извне —
Привыкайте к новизне, —
Вдох глубокий до изне-
можения!

Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус — три-четыре! —
Ширится, растет заболевание.
Если хилый — сразу гроб!
Сохранить здоровье чтоб —
Применяйте, люди, об-
тирание!

Если вы уже устали —
Сели-встали, сели-встали, —
Не страшны вам Арктика с Антарктикой!
Главный академик Иоффе
Доказал: коньяк и кофе
Вам заменит спорта профи-
лактика!

Разговаривать не надо —
Приседайте до упада,

Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вам нейдет —
Обтирайтесь чем придется,
Водными займитесь процедурами!

На страшны дурные вести —
Мы в ответ бежим на месте, —
В выигрыше даже начинающий.
Красота — среди бегущих
Первых нет и отстающих, —
Бег на месте общепримиряющий!

1968

ПЕСНЯ СЕНЕЖИНА

Вот некрóлог, словно отговорка,
Объяснил смертельный мой исход
Просто: он — помор, она — поморка, —
Это то же, что огонь и лед...

И тогда все поймут, кого потеряли,
И осудят ее — это точно, —
Скажут: «Как он любил! А она...» — и так далее.
Вот причина: «Муму» и пощечина.

Будет так — суда и караваны
Проревут про траурную весть,
И запьют от горя капитаны,
И суровой станет Север весь.

И тогда все поймут, кого потеряли,
И осудят ее — это точно, —
Скажут: «Как он любил! А она...» — и так далее.
А причина — «Муму» и пощечина.

И матросы, крепко сжав штурвалы
И судьбу жестоко матеря,
Перестанут уповать на тралы:
Разве тут до сельди — нет меня!

И тогда все поймут, кого потеряли, —
Все осудят ее — это точно, —
Скажут: «Как он любил! А она...» — и так далее.
Вот причина: «Муму» и пощечина.

1968

ПОЭМА И ПЕСНИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРО ВИТЬКУ КОРАБЛЕВА
И ДРУГА ЗАКАДЫЧНОГО ВАНЮ ДЫХОВИЧНОГО

Поэма

Что случилось с пятым «А»?
Как вам это нравится:
Вера Павловна сама
С ним не может справиться!

От стены к доске летели,
Как снаряды «ФАУ-2»,
То тяжелые портфели,
То обидные слова.

Бой кипел, и в тайных целях
Кто-то партой дверь припер.
Но и драка на портфелях
Не решила этот спор.

Раз такая кутерьма —
Ожидай не то еще!
Что ж случилось с пятым «А»,
Почему побоище?

Догадалась чья-то мама —
Мамы вечно начеку:
«Это проигрыш “Динамо”
В первом круге “Спартаку”».

«Нет, — сказал отец Олега, —
Спрячт там наверняка:
Кто допрыгнет без разбега
До дверного косяка»...

И послали в поздний час —
В половине пятого —
Разобраться в этот класс
Пионервожатого.

Пионервожатый Юра
Крик услышал со двора:
«Всех главней — литература!»
А в ответ неслось: «Ура!»

Но сейчас же крикнул кто-то
Из раскрытого окна:
«В век космических полетов
Только техника нужна!»

И решил вожатый вмиг:
Сам был в пятом классе я —
Все понятно, — там у них
Просто разногласия.

Первый голос был обычный —
И не резок, и не груб, —
Это Ваня Дыховичный,
Всем известный книголюб.

Но и голоса второго
Трудно было не узнать —
Только Витьке Кораблеву
Мог такой принадлежать.

Ну, теперь для пап и мам
Все яснее ясного:
Не случилось в пятом «А»
Ничего ужасного.

Ваня — необыкновенный,
Ну такой рассказчик был! —
Что подчас на перемены
Целый класс не выходил.

Языки болтали злые,
Что он слишком толстый, —
пусть!

Но зато стихи любые
Ваня шпарил наизусть:

Про Мадрид и про Алтай,
Про отважных конников...
И полкласса, почитай,
Ваниных сторонников.

Ну и Витька тоже в массе
Заимел авторитет:

Сделал Витька в третьем классе
Гидропневмопистолет.

Испытанье за рекою
Он устроил для ребят —
Пистолет стрелял водою
Метров на сто пятьдесят!

И по всем дворам вокруг
Всем дружкам-приятелям
Было лестно, что их друг
Стал изобретателем.

Если Витьке оба глаза
Толстым шарфом завязать,
Он на ошупь может
 сразу
Два транзистора собрать.

Сконструировал подъемник
В сорок лошадиных сил
И вмонтировал приемник
В холодильник марки «ЗИЛ».

Месяц что-то мастерил
Из кастрюль и провода, —
И однажды подарил
Витька школе — работа!

Что-то Витька в нем напутал:
Всем законам вопреки,
Робот раньше на минуту
На урок давал звонки;

Он еще скользил по полу
И врвался к Витьке в класс...
Деда Витькиного в школу
Вызывали много раз.

«С Витькой мне не совладать —
У него наследственность, —
На него должна влиять
Школьная общественность;

Не кончал я академий —
Вы решайте», —
 дед сказал...
Кстати, дед и сам в то время
Что-то там изобретал.

...И устроили собрание:
Стали думать и гадать,
Как на Витьку и на Ваню
Целым классом повлиять...

У историка ходил
Ваня в званье лучшего,
В математике он был —
В роли отстающего.

Он — знаток литературы,
Тут четверки — ни одной;
На уроках физкультуры —
Притворялся, что больной.

А на всех соревнованиях:
«Кораблев — вот это да!»
Ну а Дыховичный Ваня
Был болельщиком всегда.

Витька книжек не читал,
Знал стихи — отрывками;
Запинался и писал
С грубыми ошибками.

А однажды на уроке
Сказанул такое он!..
Будто — во Владивостоке
Протекает Волго-Дон.

Путал даты он несносно, —
Сам учитель хохотал.
Но зато молниеносно
Он делил и умножал.

...Шло собрание — шум и гам,
Каждый хорохорится.
Разделились пополам —
Так удобней ссориться.

И девчонки там и тут
Разделились поровну —
И поддерживают ту
И другую сторону.

Раньше в девичьем народе
Наступал быстрее мир —
Тот, кто в классе верховодил,
Тот и был у них кумир.

А сейчас — два флага вьется,
Два пути — куда свернуть?
Два великих полководца,
Два вождя — к кому примкнуть?

В общем — страсти накалились,
Все решилось впопыхах, —
И подруги очутились
Во враждебных лагерях.

Эти хором: «Физкультура!»
Но не сбить им тех никак —
Те кричат: «Литература!»
Эти снова: «Техника!»

«Ванька слаб, — а Витька ловкий,
Сам он робота собрал!»
«А Титов на тренировки
Пушкина с собою брал!»

Им бы так не удалось
Спор решить неделями —
Все собрание дралось
Толстыми портфелями.

Но, услышав про Титова,
Все по партам разошлись, —
После Ваниного слова
Страсти сразу улеглись.

И когда утихла ссора,
Каждый начал понимать,
Что собрались не для спора —
А обоим помогать.

И придумало как быть
Бурное собрание:
Их — друг к другу прикрепить
В целях воспитания.

Витька с Ванею — в чем дело
Не могли никак понять, —
Но собранье так хотело —
Значит, надо выполнять.

«Значит, так — бегом до Химок!» —
Витька Ване приказал.
Ваня зубы сжал, весь вымок,
Но до дому добежал.

И напрасно хохотал
Кораблев над Ванею:
Дома Ваня Витьке дал
Книгу про Испанию.

Было много ссор и шума —
Ни присесть, ни полежать, —
Ведь вначале каждый думал,
Как другого измотать.

Ваня просто чуть не плачет:
То присядь, то подтянись,
То возьми реши задачу,
То приемником займись!..

Но и Витьку он добил
Рыбами и птицами, —
Тот теперь стихи учил
Целыми страницами!..

Как-то Витька Ваню встретил
И решил ему сказать:
«Знаешь, Ванька, я заметил —
Интересно мне читать!»

И ответил Ваня сразу:
«Щупай мышцы на руке!
Я теперь четыре раза
Подтянусь на турнике!

Хорошо, что приобщил
Ты меня к атлетике.
А вчера я получил
«Пять» по арифметике!»

И захохотали оба,
И решили меж собой,
Что они друзья до гроба,
В общем — не разлить водой!

...Может, случай не типичный
Но во множестве дворов
Есть и Ваня Дыховичный,
Есть и Витька Кораблев.

И таких примеров — тьма, —
Можно в школе справиться...
Вот что было в пятом «А»!
Как вам это нравится?

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

ОБ ИГРЕ В ШАХМАТЫ

Если вам предложат играть в шахматы — никогда не говорите: «Не умею». Скажите: «Умею, но не хочу». Теперь-то я знаю это золотое правило. Но тогда!..

Когда он подошел ко мне, я сидел в парке и мирно читал газету. В глазах у него была тоска, а под мышкой — шахматная доска.

— Сыграем? — спрашивает он неуверенно, заранее предполагая отрицательный ответ.

— Я не умею!

— Как?! — Он чуть подпрыгивает и смотрит на меня, как на марсианина. На лице выражается неподдельное удивление, но через секунду оно сменяется выражением дикой радости. — Не умеете?! Молодой человек! Я вас мигом научу. Каждый интеллигентный человек обязан уметь играть в шахматы! — Он раскрывает доску. — Все великие люди умели и любили играть в эту замечательную игру.

Я слабо сопротивляюсь, но после этого аргумента сдаюсь. А мой новый знакомый уже расставляет белые и черные фигурки и попутно совершает краткий экскурс в историю шахмат. Я узнаю, что их изобрели в Индии, узнаю также несколько пугающих фамилий: Капабланка, Эйве, потом более знакомые — Чигорин, Алехин и, наконец, известные — Ботвинник, Смыслов.

На секунду он останавливается и спрашивает:

— Так вы никогда-никогда?..

Я делаю неопределенный жест, но он продолжает:

— Ай-ай! А с виду такой умный молодой человек... Но ничего, это поправимо. Ну-с, на доске шестьдесят четыре клетки...

Я быстро пересчитываю клетки — действительно 64.

— Да вы перемножьте восемь на восемь, — советует он.

Перемножаю. Получается опять 64.

— Поразительно!

— Бывают еще стоклеточные доски, но это для шашек.

— В шашки я умею, — хвастаюсь я.

— Эта фигура называется — ладьей.

— Это та, что похожа на башенку?

— Да. Она ходит по горизонтали. Ясно? А конь — он ходит буквой «Г».

— И только? Маловато! Если бы я жил в Индии, я бы придумал ему еще одну букву. «Ы», например! — Острота получается неуклюжая, но партнер мой снисходительно и оглушительно смеется и продолжает:

— Это слон. Он ходит по диагонали.

— Вот эта большая пешка?

— Да, да!.. Это король, а это — ферзь.

— А где же королева? — серьезно спрашиваю я, вспоминая свои скудные знания.

Партнер тактично улыбается:

— Это и есть ферзь. Он ходит по горизонтали и вертикали!

Объяснение меня не удовлетворяет. Правда! Ведь королева женского рода, а ферзь? Но чтобы не показаться профаном, принимаю на веру это и все другие объяснения.

А он уже потирает руки — ему не терпится начать игру и выиграть. А в том, что выиграет, он не сомневается. Да и я гоже. Я запуган терминами и осведомленностью. Мне он кажется еще страшнее Капабланки, и настроение у меня падает, а на лице — кислое выражение.

— Ну-с, — говорит он, — e2—e4. Классическое начало, так сказать.

И тут в голову мне приходит спасительная мысль: буду повторять его ходы.

— И я тоже — классический ход: e2—e4, — бодро говорю я и двигаю пешку.

Через несколько ходов противник мой замечает подвох.

— Позвольте! — говорит он. — Да вы повторяете все мои ходы! Нечестно!

Я уличен, но пытаюсь вывернуться.

— Что вы! — притворно восклицаю я. — Я и не смотрю, как вы ходите. Мне до этого дела нет! Мне самому это в голову пришло!

Но противник готов простить мне эту мою хитрость в благодарность за то, что я дал ему несколько минут блаженства. Еще бы — играть, зная, что выиграешь! От этого у любого поднимется настроение.

— Ну ладно, — говорит он, снимает мою маленькую пешку, а на ее место ставит свою большую.

— Что это вы делаете? — подозрительно спрашиваю я.

— Бью слонем вашу пешку!

— Зачем?

— Она мне мешает!

— Ах так! — и я своей пешкой перехожу через его, а его забираю.

— Так не ходят! — восклицает он. — Это неправильно!

— Почему неправильно? Мне ваша пешка тоже мешает! Я ее съел!

— Может, вы и за фук будете брать? — ехидно осведомляется противник. — Поставьте обратно! И будьте любезны играть по правилам!

«Эх, если бы брать за фук, я бы у него уже полдоски снял!» — но это я думаю про себя, бурчу под нос.

— Дурацкая игра: своими же пешками нельзя ходить, куда хочешь!

Однако делать нечего — и я переставляю фигурку, похожую на башню.

— Нельзя так! — уже нервничает партнер. — Это не по правилам! Так ходит конь! Это не по правилам!

Я знаю, что он лучше понимает, что к чему, но меня охватил азарт, а вместе с ним упрямость и желание спорить:

— А почему вы решили, что только ваши правила верные! И что вы все правила знаете! А вот мне один знакомый шахматист говорил, что в некоторых случаях башенка ходит, как конь!

— Ваш знакомый не умеет играть! — говорит он, все еще сдерживаясь.

Я начинаю защищать несуществующего знакомого.

— Не умеет играть? — возмущаюсь я. — Да он играл в одновременном сеансе с Талем и съел у него короля! Понятно? Съел!

— Королей не едят. — И он ставит ладью на место.

Расстроенный, я, не глядя на доску, делаю ход.

— Что вы делаете! — в ужасе кричит он. — Это же... Это же... — он не находит слов.

— Что? Опять не по правилам? — угрожающе спрашиваю я, готовый тотчас же прекратить игру.

— Нет! Но... — вероятно, я сделал какой-то глупейший, нелогичный ход и этим помешал ему завершить атаку. Я моментально чувствую это и решаю продолжать в том же духе.

— Так никто не ходит! — кипятится мой противник.

— Никто не ходит, а я пошел! Мои черные фишки. Куда хочу — туда иду!

Он начинает бегать вокруг стола. Он садится, встает, стонет, кричит, а я хладнокровно, не глядя на доску, делаю ходы.

— Я же вам жертвую ферзя! — вопит он.

— А он мне не нужен, ваш ферзь!

— Но ведь вам это выгодно!

— Это уже мне позвольте знать!

— Зачем вы пошли башенкой?.. Куда вы поставили большую

пешку?.. — он не замечает, что принял мою терминологию. И наконец взмолился: — Давайте разменяем несколько фигур, чтобы прекратить этот хаос!

— Нет! — жестоко говорю я и иду королем.

Еще немного, и, бесполезно поборовшись со мной, он смешивает фигуры, прячет их дрожащими руками и, сказав: «Это черт знает что», не попрощавшись, уходит. Поле боя за мной!

«А интересная игра», — восхищено думаю я, и кто знает, может быть, через некоторое время я подойду к вам в парке с доской и попрошу вас:

— Сыграем!

— Я не умею! — скажете вы.

— О! Это пустяки! Я вас мигом научу!..

О ЛЮБИТЕЛЯХ «ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

В последнее время в некоторой среде населения наблюдается повышенный интерес к «Библиотеке военных приключений». Спросишь кого-нибудь из этой некоторой среды:

— А вы читали «Приключения Робинзона Крузо»? — а он вам не моргнув глазом:

— Нет, но зато я читал «Приключения Нила Кручинина».

— Почему зато — ведь вы же не знаете Дефо!

— Ну и что? — удивится вашей горячности читатель из среды. — Не могу же я прочитать сразу всю «Библиотеку военных приключений». Дочитаюсь и до Дефо! Подождет!

— Дефо, конечно, подождет. Но... — И, разведя руками и посоветовав скорее до него дочитать, уходишь, ничего не добившись.

Или еще. Веселая группа ребяташек с горящими глазами проходит мимо:

— А ты помнишь, он ему ка-а-ак взрезал, а тот стоит, он ему еще ка-а-ак <дал, дал, а тот опять> стоит. Он тогда пистолет выхватывает — р-раз...

— Ну это еще что, — возражает второй, с видом превосходства глядя на товарища, — ты «Погоню за призраком» читал? Так там он ему ка-а-ак дал, еще и с вагонетки сбросил, а то что у тебя?..

— С вагонетки — это да, — соглашается первый.

— Дал, дал, а тот ему тоже. Потом этот выстрелил, а тот в окно. Тут как раз наши подошли. Понял!

— Так у меня тоже наши, — возражает первый, — только у тебя сразу подошли, а у меня потом! Ты куда это, Коль, вот школа.

— Я сегодня прогуливаю, — интеллигентно сообщает Коля. — Пойду посмотреть «Дело пестрых». Брат видел — говорит, классное кино. Там наш этому ка-а-ак дал!

Если свидетелем этой сцены будет читатель из среды (будем называть его «любитель приключений» — он <их> так любит читать), он покачает головой, для вида скажет: «ай-ай-ай» — и... пойдет вслед за Колей брать билет на «Дело пестрых», подумав при этом: «Надо не

забыть взять «В погоне за призраком». Наверное, хорошо! Вот и ребята говорили: «Он ему ка-а-ак дал!» Наверное, здорово».

И вечером дома, закрыв очередное «Приключение капитана милиции», где на последней странице и как раз вовремя подошли наши, читатель вытирает на лбу испарину и принимается за «В погоне за призраком», где этот прыгает в окно и тоже подходят неперменные наши.

«А действительно здорово — ребята были правы, — думает он. — Когда они только успевают все читать?»

На следующий день «Призрака» сменяет «Майор милиции» и т. д. Читает он самозабвенно и не может оторваться иногда месяцами. Его состояние очень похоже на запой у алкоголиков, только вместо зеленых чертей ему мерещатся небритые преступники с ножом и пистолетом, а вместо рокового «Шумел камыш» на языке вертится один вопрос: «Что же наши медлят?» Да, он вдохновляется — ему кажется, что это не майор, а он спасает бедную девушку, что он находит главную нить и она представляется ему совсем осязаемой нитью, какими жена часто штопает ему носки, он идет по этой нити, по пути находит все нити, целую катушку, целую сеть нитей, но здесь в него стреляют и он куда-то роняет главную, самую толстую нить, потом он ее все-таки находит, а за нею и преступника, которого готов прижать к сердцу за то, что он все-таки попался. Потом допрос, где он блистает благородством и суровой справедливостью. И здесь, с волнением закрыв книгу и с еще бьющимся сердцем, он долго не может заснуть, потому что у него болит плечо, в которое попала пуля. Обычно всегда преступник стреляет в плечо. У него, видимо, есть своего рода спортивный интерес, и ему, вероятно, приятно, что его преследуют, и поэтому он очень редко стреляет в ноги и уж совсем не стреляет в грудь. Это не дай бог.

И вот однажды, возвращаясь домой после удачного преферанса, наш любитель приключений слышит какую-то странную возню во дворе своего дома. С любопытством или скорее любознательностью он заглядывает. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Двое невысоких парней пытались снять с девушки пальто, а она храбро защищалась и звала на помощь.

«Ну вот теперь-то, — думаете вы, — читатель из среды себя провяит — сейчас он схватит главную нить, разматает клубок и...»

Не надо думать! Нет, думать надо! Не надо просто делать слишком поспешных выводов — ничего подобного не происходит — ни главной, ни даже побочной нити любитель не находит. Ему как будто кто-то связал ноги или превратил <его> в камень, он стоит с открытым ртом, с глазами навывкате, на лице его — беспомощность и растерянность, как будто он увидел бывшую жену, которой нерегулярно платит алименты.

Из двора несется: «Помогите!» Силы девушки, видимо, иссякают. А он все стоит.

«Не может быть!» — скажете вы. Да, так и есть — стоит долго, как камень, на котором пишут, что здесь когда-нибудь будет памятник!

Может быть, он вспоминает, что сделал бы в этом случае майор, или капитан, или бригадир из «Дела пестрых», а может быть, он просто ждет, когда придут наши в лице участкового, дворника или просто прохожих. Но он стоит!

И только когда раздастся свисток милиционера и когда мимо него проходят два парня и испуганная бледная девушка в сопровождении участкового и какого-то парня в телогрейке, только тогда к нему возвращается способность действовать, но действует он тоже довольно странно. Он не идет следом за милиционером, чтобы дать хотя бы свидетельские показания, а оглядываясь, очень быстро направляется домой, а в голове почему-то все время вертятся слова: «Он ему ка-а-а дал!».

Придя домой, любитель приключений рассказывает жене, что шестеро раздевали девушку, он хотел помочь, но не успел — приехала милицмейская машина и всех забрали.

— Сиди уже, — буркнула жена, — читай лучше свои книжки, а голову нечего подставлять. Вон у нас случай был — в трамвае старушка увидела, как в карман лезут, и сказала. А он ей: «Ты видела! Видела! Больше не увидишь», — р-раз по глазам бритвой. А ты — «помочь»! Не ввязывайся лучше!

— Ну, это ерунда, — храбро возражает любитель и про себя думает: «Действительно, зачем голову подставлять!» И почитав на сон грядущий «Черную моль» и вспомнив о выигрыше в преферанс, о котором он случайно или специально не сказал жене, он засыпает.

И живет такой любитель приключений тихо, не ввязываясь. Ходит он по улицам, всегда по освещенным и поближе к милиционеру, играет, но не допоздна в преферанс и читает на сон грядущий что-нибудь из «Библиотеки военных приключений» — он ведь большой любитель приключений. И не дочитается он до Даниэля Дефо, да эти книги ему незачем читать.

Нет, уважаемый читатель из среды, не всегда нити преступлений наматываются на катушки, а клубок их похож на шерстяной. Бывают в жизни милиции и разведчиков очень суровые будни, и не всегда стреля<ю>т в плечо и вовремя приходят наши. Не всегда, хотя об этом иногда и пишут.

И если удачно заканчиваются многие дела и раскрываются преступления, то посмотри, кто помогает этому. Вчитайся повнимательнее. Такие же люди, как ты!

Хотя нет, не такие!

Рецидивист	30
«Пока вы здесь в ванночке с кафелем...»	31
Я женщин не бил до семнадцати лет	31
«Мы вместе грабили одну и ту же хату...»	32
Про Сережку Фомина	33
Штрафные батальоны	34
Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям	35
Антисемиты	36
Песня про Уголовный кодекс	36
Наводчица	37
Счетчик шелкает	38
О нашей встрече	39
Песня о госпитале	39
Все ушли на фронт	40
«Я любил и женщин и проказы...»	41
«Вот раньше жизнь!..»	42
Песня про стукача	44
«Потеряю истинную веру...»	44
Песня о звёздах	45
«Помню, я однажды и в “очко”, и в “стос” играл...»	45
«Нам вчера прислали...»	46
Бал-маскарад	47
Братские могилы	48
«Говорят, арестован...»	48
«Так оно и есть...»	49
Городской романс	50
Я был слесарь шестого разряда	51
Ребята, напишите мне письмо	52
«В этом доме большом раньше пьянка была...»	52
«Передо мной любой факир — ну просто карлик...»	53
Песня студентов-археологов	54
Марш студентов-физиков	55
«Ну о чем с тобою говорить!..»	56
«Парня спасем...»	56
Песня о нейтральной полосе	57
Попутчик	58
«Сыт я по горло, до подбородка...»	59
«Мой друг уедет в Магадан...»	60

«В холода, в холода...»	61
Высота	61
Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане	62
«Катерина, Катя, Катерина!..»	62
«Мне ребята сказали...»	63
День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»	64
«То была не интрижка...»	65
Песня завистника	66
«Перед выездом в загранку...»	66
«Есть на земле предостаточно рас...»	68
«В тюрьме Таганской нас стало мало...»	68
«Она на двор — он со двора...»	69
Песня о сумасшедшем доме	70
Про черта	71
Песня о сентиментальном боксере	72
Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную	73
«Каждому хочется малость погреться...»	74
Песня космических негодяев	75
В далеком созвездии Тау Кита	76
Про дикого вепря	78
«При всякой погоде...»	79
«Один музыкант объяснил мне пространно...»	80
«У домашних и хищных зверей...»	80
«А люди всё роптали и роптали...»	81
Дела	82
Песня о друге	83
Здесь вам не равнина	84
Военная песня	85
Скалолазка	86
Прощание с горами	86
«Свои обиды каждый человек...»	87
Она была в Париже	87
«Возле города Пекина...»	88
Песня-сказка о нечисти	89
Песня о новом времени	91
Гололед	91
«Вот — главный вход, но только вот...»	92

Песни 1967—1970 годов

«Корабли постоят — и ложатся на курс...»	94
Случай в ресторане	94
Парус. <i>Песня беспокойства</i>	95
Пародия на плохой детектив	96
Профессионалы	97
Песенка про йогов	99
Песня-сказка про джинна	100
Песня о вещем Олеге	101
Зарисовка о Ленинграде	103
Два письма	
I. «Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!..»	103
II. «Не пиши мне про любовь — не поверю я...»	104
Песня о вещи Кассандре	105
Случай на шахте	106
Ой, где был я вчера	107
Песня про правого инсайда	108
«У нас вчера с позавчера...»	109
Аисты	110
Лукоморья больше нет. <i>Антисказка</i>	112
Сказка о несчастных сказочных персонажах	115
Спасите наши души	116
Дом хрустальный	118
«Мао Цзедун — большой шалун...»	119
«От скушных шабашей...»	120
Невидимка	121
Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие	123
Дайте собакам мяса	125
Моя цыганская	126
Марш аквалангистов	127
«На стол колоду, господа...»	128
«Сколько чудес за туманами кроется...»	130
Песня командировочного	130
Я уехал в Магадан	132
«Жил-был добрый дурачина-простофиля...»	133
«Красивых любят чаще и прилежней...»	135
«Вот и разошлись пути-дороги вдруг...»	135

Две песни об одном воздушном бое	
I. Песня летчика	136
II. Песня самолета-истребителя	137
«Давно смолкли залпы орудий...»	139
Еще не вечер	140
Песенка ни про что, или Что случилось в Африке.	
<i>Одна семейная хроника</i>	141
«Наши предки — люди темные и грубые...»	142
Банька по-белому	143
Охота на волков	144
«У нее все свое — и белье, и жилье...»	145
Москва — Одесса	146
Песня о двух красивых автомобилях	148
«То ли — в избу и запеть...»	149
«Мне каждый вечер зажигают свечи...»	150
Песенка про метателя молота	151
Оловянные солдатики	152
Поездка в город	153
Ноль семь	154
Песенка о переселении душ	155
«И душа и голова, кажись, болит...»	156
«Не писать мне повестей, романов...»	157
Я не люблю	158
«Ну вот, исчезла дрожь в руках...»	158
К вершине	159
Песенка о слухах	160
«Рядовой Борисов!» — «Я!» — «Давай, как было дело!»...»	161
«Подумаешь — с женой не очень ладно...»	162
Старательская (<i>Письмо друга</i>)	163
Посещение Музы, или Песенка плагиатора	164
«И вкусы и запросы мои — странны...»	165
Он не вернулся из боя	166
Песня о Земле	167
Сыновья уходят в бой	167
Темнота	168
Про любовь в каменном веке	169
Семейные дела в Древнем Риме	170
Про любовь в Средние века	171
Про любовь в эпоху Возрождения	172
Охота на кабанов	174

Песня о нотах	175
Человек за бортом	177
Пиратская	178
«Долго же шел ты в конверте, листок...»	179
Цунами	179
«Теперь я буду сохнуть от тоски...»	180
«Нет меня — я покинул Расею...»	181
Веселая покойницкая	182
«Переворот в мозгах из края в край...»	183
Разведка боем	184
«Запомню, оставлю в душе этот вечер...»	186
Про двух громилов — братьев Прова и Николая	187
Странная сказка	189
Песенка киноактера	190
«Комментатор из своей кабины...»	191
Песенка про прыгуна в высоту	192
Бег иноходца	194
«Я несла свою Беду...»	195
Банька по-черному	195
Марш шахтеров	197
«Здесь лапы у елей дрожат на весу...»	198
Свой остров	198
«Я все вопросы освещу сполна...»	199

Песни 1971—1980 годов

«Я теперь в дураках — не уйти мне с земли...»	201
Баллада о брошенном корабле	202
Песенка про прыгуна в длину	204
Марафон	205
Вратарь	206
«Не покупают никакой еды...»	208
Маски	209
Песня про первые ряды	210
I. Певец у микрофона	211
II. Песня микрофона	213
«Поздно говорить и смешно...»	214
Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука	215
«Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...»	216
Баллада о бане	218
О фатальных датах и цифрах	219

О моем старшине	220
«Зарыты в нашу память на века...»	221
Горизонт	222
Мои похорона, или Страшный сон очень смелого человека	223
Случай	225
Песенка про мангустов	227
Милицейский протокол	228
Песня конченого человека	229
Песня о штангисте	231
«Целуя знамя в пропыленный шелк...»	232
«Так дымно, что в зеркале нет отраженья...»	233
«Не заманишь меня на эстрадный концерт...»	234
Кони привередливые	235
Белое безмолвие	236
Песня про белого слона	237
Честь шахматной короны	
I. Подготовка	238
II. Игра	240
Баллада о гипсе	242
«Прошла пора вступлений и прелюдий...»	244
«Так случилось — мужчины ушли...»	245
«Проложите, проложите...»	246
Жертва телевиденья	246
Дорожная история	248
Мишка Шифман	249
«Оплавляются свечи...»	252
Натянутый канат	252
«Мосты сгорели, углубились броды...»	254
Черные бушлаты	255
Тюменская нефть	257
Товарищи ученые	258
Мы вращаем Землю	260
«Когда я спотыкаюсь на стихах...»	261
Заповедник	262
Песня автозавистника	265
Песня автомобилиста	266
Тот, который не стрелял	267
Чужая колея	269
Затяжной прыжок	270
Памятник	272

Я из дела ушел	274
Диалог у телевизора	275
Песенка про Козла отпущения	277
Смотрины	278
«Штормит весь вечер, и пока...»	281
Баллада о короткой шее	282
«В день, когда мы, поддержкой земли заручась...»	282
«Всему на свете выходят сроки...»	284
«Был развеселый розовый восход...»	285
«Мы все живем как будто, но...»	286
Кто за чем бежит	288
Песня про Джеймса Бонда, агента 007	290
«Жили-были на море...»	292
«Сначала было Слово печали и тоски...»	293
Очи черные	
I. Погоня	294
II. Старый дом	295
Памяти Василия Шукшина	297
О знаках зодиака	298
«Я еще не в угаре...»	299
Песня о погибшем летчике	302
Баллада о детстве	303
I. Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме	307
II. Случай на таможне	311
Песня о времени	314
Песня о вольных стрелках	315
Баллада о Любви	317
Песня о двух погибших лебедях	318
Песня о ненависти	319
Баллада о борьбе	320
Разбойничья	321
Купола	323
I. Ошибка вышла	324
II. Никакой ошибки	327
III. История болезни	329
Гербарий	331
«Наши помехи эпохе под стать...»	335
Две судьбы	337
Песня о Судьбе	339

«Этот день будет первым всегда и везде...»	341
«Вы в огне да и в море вовеки не сыщете брода...»	342
Шторм	343
Гимн морю и горам	344
Мореплаватель-одиночка	345
Про глупцов	346
Притча о Правде и Лжи	348
Про речку Вачу и попутчицу Валю	349
«Был побег <i>на рыбок</i> ...»	351
«В младенчестве нас матери пугали...»	354
Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное невероятное» из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи	355
«Мне судьба — до последней черты, до креста...»	358
«Реальной сновидения и бреда...»	359
Из детства	361
Попытка самоубийства	362
«Открытые двери...»	363
Письмо к другу, или Зарисовка о Париже	365
Конец «Охоты на волков», или Охота с вертолетов	366
Пожары	367
Летела жизнь	368
О конце войны	370
Белый вальс	371
Райские яблоки	374
Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посажённым на 15 суток за мелкое хулиганство, своим сокамерникам	375
Через десять лет	376
Грусть моя, тоска моя. <i>Вариации на цыганские темы</i>	377

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения разных лет

«День на редкость — тепло и не тает...»	381
«Если б я был физически слабым...»	382
«Про меня говорят: он, конечно, не гений...»	382
«Если нравится — мало?...»	383
«Из-за гор — я не знаю, где горы те...»	383
«Люди говорили морю: «До свиданья»...»	384
«Мы искали дорогу по Веге...»	384

«Я не пил, не воровал...»	384
«Давно я понял: жить мы не смогли бы...»	386
«Я теперь на девок крепкий...»	386
«Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог...»	387
«Экспресс Москва — Варшава, тринадцатое место...»	387
«Почти не стало усов и бак...»	388
«Что сегодня мне суды и заседания...»	388
«День-деньской я с тобой, за тобой...»	389
«Подымайте руки, в урны суйте...»	390
Забыли	390
«Запретили все цари всем царевичам...»	391
«Где-то там на озере...»	391
«Реже, меньше ноют раны...»	392
«У Доски, где почетные граждане...»	393
«Парад-алле! Не видно кресел, мест!..»	396
«Я лежу в изоляторе...»	396
«У меня долги перед друзьями...»	397
«Граждане! Зачем толкаетесь...»	398
«Я уверен как ни разу в жизни...»	398
«Посмотришь — сразу скажешь: это кит...»	399
«Как-то раз цитаты Мао прочитав...»	400
«Маринка, слушай, милая Маринка...»	401
«Нет рядом никого, как ни дыши...»	402
«Я скольжу по коричневой пленке...»	402
«Я все чаще думаю о судьях...»	403
«Бродят по свету люди...»	403
«В плен — приказ — не сдаваться, — они не сдаются...»	404
«Я думал — это все, без сожаленья...»	405
«Грезится мне наяву или в бреде...»	405
«Надо с кем-то рассорить кого-то...»	406
«В тайгу на санях на развалюхах...»	406
«Я тут подвиг совершил...»	407
«Приехал в Монако какой-то вояка...»	408
«Вот я выпиваю, потом засыпаю...»	408
«В восторге я! Душа поет!..»	409
«В голове моей тучи безумных идей...»	410
Енгибарову — от зрителей	411
Мой Гамлет	413
Революция в Тюмени	415
Я к вам пишу	416

«Жил-был один чудак...»	418
«Как во городе во главном...»	420
«Люблю тебя <i>сейчас</i> ...»	423
I. Из дорожного дневника	424
II. Солнечные пятна, или Пятна на Солнце	427
III. Дороги... Дороги...	428
«Когда я отпою и отыграю...»	431
«Вот в плащах, подобных плащ-палаткам...»	432
«Мы без этих машин — словно птицы без крыл...»	432
«Я скачу позади на полслова...»	434
Я не успел (<i>Тоска по романтике</i>)	435
«Все <с> себя снимаю — слишком душно...»	437
Набат	437
Нить Ариадны	439
«Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты...»	441
«Не гуди без меры...»	441
«Мне не надо посул, обещаний не надо...»	443
«Водой наполненные горсти...»	443
«Я был завсегдаём всех пивных...»	444
«Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам...»	445
«Слева бесы, справа бесы...»	446
«...Когда я об стену разбил лицо и члены...»	447
«Упрямо я стремлюсь ко дну...»	450
«Здравствуй, “Юность”, это я...»	453
«Я дышал синевой...»	455
«Вот она, вот она...»	456
«Давно, в эпоху мрачного язычества...»	457
«Мы воспитаны в презренье к воровству...»	458
«Много во мне маминого...»	459
«Я первый смерил жизнь обратным счетом...»	461
«Проделав брешь в затишье...»	463
«Вот я вошел и дверь прикрыл...»	465
«“Не бросать”, “Не топтать”...»	467
«Стареем, брат, ты говоришь...»	469
«Муру на блюде доедаю подчистую...»	469
«В Азии, в Европе ли...»	470
«Мажорный светофор, трехцветье, трио...»	471
«Возвратятся на свои на круги...»	472
«У профессиональных игроков...»	472

I. «Часов, минут, секунд — нули...»	473
II. «...И пробил час — и день возник...»	474
«Дурацкий сон, как кистенем...»	476
Осторожно, гризли!	477
«Мы бдительны — мы тайн не разболтаем...»	479
«Я спокоен — он мне все поведал...»	480
«И кто вы суть? Безликие кликуши?...»	480
«Давайте я спою вам в подражание радиолам...»	481
«Куда все делось и откуда что берется...»	481
«В белье <плотной> вязки...»	482
«Меня опять ударило в озноб...»	483
«Я верю в нашу общую звезду...»	484
«Мне скулы от досады сводит...»	485
«Мой черный человек в костюме сером...»	485
«Я никогда не верил в миражи...»	486
«А мы живем в мертвящей пустоте...»	487
«Под деньгами на кону...»	487
«По речке жизни плавал честный грека...»	488
«Общаюсь с тишиной я...»	489
Две просьбы	490
«Как зайдешь в бистро-столовку...»	491
«И снизу лед и сверху — маюсь между...»	492

ПЕСНИ ДЛЯ ТЕАТРА И КИНО

«Десять дней, которые потрясли мир». Театр драмы и комедии на Таганке	
«В куски разлетелась корона...»	495
«Войны и голодухи натерпелися мы всласть...»	496
«Всю Россию до границы...»	496
«Павшие и живые». Театр драмы и комедии на Таганке	
Солдаты группы «Центр»	497
«Последний жулик». Рижская киностудия	
«Здравствуйте, наши добрые зрители...»	498
«Здесь сидел ты, Валет...»	499
О вкусах не спорят	499
«Вот что: жизнь прекрасна, товарищи...»	500
«Саша-Сашенька». «Беларусьфильм»	
Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате	502
«Дорога, дорога — счета нет шагам...»	503
Песня парня у обелиска космонавтам	503

«Пугачев». <i>Театр драмы и комедии на Таганке</i>	
«— Ну что, Кузьма?...»	504
«Интервенция». <i>«Ленфильм»</i>	
Песня Саньки	507
«До нашей эры соблюдалось чувство меры...»	508
Песня Бродского	509
«Иван Макарович». <i>«Беларусьфильм»</i>	
Письмо	510
«Последний парад». <i>Театр Сатиры</i>	
Песня Герашенко	511
Утренняя гимнастика	512
Песня Сенежина	513
Песня Понедельника	514
«Хозяин тайги». <i>«Мосфильм»</i>	
Песня Рябого	514
«Опасные гастроли». <i>Одесская киностудия</i>	
Куплеты Бенгальского	515
Цыганская песня	516
Баллада о цветах, деревьях и миллионерах	517
Романс («Было так — я любил и страдал...»)	518
«Один из нас». <i>«Мосфильм»</i>	
«Бросьте скуку, как корку арбузную...»	519
Романс («Она была чиста как снег зимой...»)	519
Танго	520
«Живой». <i>Театр драмы и комедии на Таганке</i>	
«Видно, острая заноза...»	521
«Черный принц». <i>«Мосфильм», 1973</i>	
«Неужели мы заперты в замкнутый круг?...»	523
«Необычайные приключения на волжском пароходе». <i>Ленинградский государственный театр им. Ленинского комсомола</i>	
Песня о Волге	524
Посадка	525
Куплеты Гусева	526
Колыбельная Хопкинсона	527
Дуэт разлученных	528
Че-чет-ка	529
Романс миссис Ребус	531
Дуэт Шуры и Ливеровского	532
«Бегство мистера Мак-Кинли». <i>«Мосфильм»</i>	
Баллада о маленьком человеке	534
Баллада о Кокильоне	537

Прерванный полет	539
Марш футбольной команды «медведей»	540
Баллада о манекенах	542
Песня Билла Сиггера	545
Мистерия хиппи	547
Баллада об оружии	549
Баллада об уходе в рай	552
«Единственная дорога». <i>«Мосфильм» и «Филмски студио Титоград»</i> (Югославия)	
Расстрел горного эха	554
Песня Солодова	554
«Если где-то в глухой беспокойной ночи...»	555
«Одиножды один». <i>«Ленфильм»</i>	
Песня Вани у Марии	556
Песня о черном и белом лебедях	557
Величальная отцу	558
Частушки к свадьбе	559
Студенческая песня	559
Частушки	560
Грустная песня о Ванечке	561
Песня Вани перед студентами	563
«Вооружен и очень опасен». <i>Киностудия им. Горького</i>	
Расскази, дорогой	563
Не грусти	565
Вооружен и очень опасен	567
Живучий парень	568
«Это вовсе не френч канкан...»	569
«Живу я в лучшем из миров...»	570
«Турандот, или Конгресс обелителей». <i>Театр драмы и комедии на Таганке</i>	
Песня Гогера-Могера	570
«Зеленый фургон». <i>Одесская киностудия. Замысел не осуществлен</i>	
«Проскакали всю страну...»	572
«Наше призвание». <i>«Беларусьфильм»</i>	
Гимн школе	573

ПОЭМА И ПЕСНИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Вступительное слово про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного. <i>Поэма</i>	577
Прочитайте снова про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного	583

«Началось все в сентябре...»	596
«Отчего сияют лица...»	598
«Иван да Марья». Песни для кинофильма	
Скоморохи на ярмарке	599
Свадебная	603
Выезд Соловья-разбойника	604
Серенада Соловья-разбойника	605
«Если в этот скорбный час...»	607
Солдатская песня	
I. Грустная	607
II. Походная	608
Солдат с победою	609
Куплеты кассира и казначея	610
Куплеты нечистой силы	611
Солдат и привидение	612
Песня Марьи	613
Иван да Марья	614
Частушки	615
«Алиса в стране чудес». Песни для дискоспектакля	
Песня Кэрролла	617
Песня Алисы	618
Додо, Алиса и Белый Кролик	619
Марш антиподов	619
Падение Алисы	620
Про Мэри Энн	620
Песня Алисы про цифры	
I. «Все должны до одного...»	621
II. «Хорошо смотреть вперед!..»	621
III. «До миллиона далеко...»	622
IV. Путаница Алисы	622
В море слез	623
Песня Мыши	623
Песня Попугая	624
Песенка-представление Робин Гуся	625
Орленок Эд	625
Представление орленком Эдом Атаки Гризли	626
Странные скачки	626
Песенка лягушонка Джимми и ящерики Билли	627
Песня о планах	628

Причитания Гусеницы	629
Лягушонок	629
Песня про ребенка-поросенка	630
Чеширский Кот	630
Мартовский Заяц	630
Шляпник	631
Соня	631
Песня об обиженном Времени	631
Королевское шествие	632
Песня про крохей	632

ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЯ

Об игре в шахматы	635
О любителях «приключений»	639
О жертвах вообще и об одной в частности	642
Жизнь без сна (<i>Дельфины и психи</i>)	646
Опять дельфины	666
Как-то так все вышло... <i>Сценарий</i>	668
Где Центр?	711
Роман о девочках	736
<i>В. Карелов. Многоликий Высоцкий</i>	766
<i>Алфавитный указатель</i>	772